

Но я снова чувствую, что должен сделать паузу, потому что снова и с некоторой тревогой осознаю двусмысленность одного-единственного слова. Только теперь, когда мне впервые предстоит рассказать историю в полном контексте, я понимаю, как трудно выразить постоянно меняющийся аспект всего, что живет в концентрированной форме. Я только что написал "я" и сказал, что взял такси в полдень 7 июня 1913 года. Но само это слово не совсем прямолинейно, потому что я ни в коем случае не являюсь тем "Я" того времени, того 7 июня, хотя с того дня прошло всего четыре месяца, хотя я живу в квартире того прежнего "Я" и пишу за его столом, его ручкой и его собственной рукой. Я совершенно отличаюсь от того человека, которым я был тогда, благодаря этому моему опыту, теперь я вижу его со стороны, хладнокровно смотрящего на незнакомца, и я могу описать его как товарища по играм, товарища, друга, которого я хорошо знаю и сущность которого я также знаю, но я больше не тот человек. Я мог говорить о нем, обвинять или осуждать его, без всякого чувства, что когда-то он был частью меня.

Человек, которым я был тогда, очень мало отличался, ни внешне, ни внутренне, от большинства представителей своего социального класса, которых мы обычно описываем здесь, в Вене, без особой гордости, но как нечто совершенно само собой разумеющееся, как "модное общество". Мне шел тридцать шестой год, мои родители преждевременно умерли незадолго до моего совершеннолетия, оставив мне состояние, которое оказалось достаточно большим, чтобы после этого мне было совершенно излишне думать о том, чтобы зарабатывать на жизнь или делать карьеру. Таким образом, я неожиданно был избавлен от решения, которое в то время сильно тяготило меня. Потому что я только что закончил учебу в университете и стоял перед выбором будущей профессии. Благодаря нашим семейным связям и моей собственной ранней склонности к созерцательному существованию, протекающему в спокойном темпе, я, вероятно, выбрал бы государственную службу, когда это родительское состояние пришло ко мне как единственному наследнику, внезапно обеспечив мне независимость, достаточную для удовлетворения обширных и даже роскошных желаний без работы. Честолюбие никогда не беспокоило меня, поэтому я решил начать с наблюдения за жизнью на досуге в течение нескольких лет, ожидая, пока, наконец, не почувствую искушение найти для себя какой-нибудь круг влияния. Тем не менее, я никогда не выходил за рамки этого наблюдения и ожидания, потому что, поскольку я ничего особенного не хотел, я мог иметь все, что угодно, в пределах узкого круга моих желаний: мягкий и чувственный город Вена, который, как никто другой, отличается неторопливыми прогулками, праздными наблюдениями и культивированием элегантности до пика положительно художественного совершенства, цель в жизни сама по себе, позволила мне полностью забыть о своем намерении заняться какой-то реальной деятельностью. У меня было все, чего мог желать элегантный, благородный, состоятельный, красивый молодой человек без амбиций: безобидное возбуждение от азартных игр, охоты, регулярное подкрепление в путешествиях и экскурсиях, и вскоре я начал культивировать этот мирный образ жизни все более и более тщательно, с опытом и художественными наклонностями. Я собирал редкие бокалы, не столько из истинной страсти к ним, сколько ради удовольствия приобрести солидные знания в контексте нетребовательного хобби, я украсил свою квартиру особыми гравюрами в стиле итальянского барокко и пейзажами в стиле Каналетто — приобретая их в магазинах подержанных вещей или продавая на аукционе, обеспечивал азарт погони без каких-либо опасностей — Я следовал многим другим занятиям из любви к ним и всегда с хорошим вкусом, и я редко отсутствовал на выступлениях хорошей музыки или в студиях наших художников. У меня не было недостатка в успехе у женщин, и здесь тоже, с тайным желанием коллекционера, которое в некотором смысле указывает на отсутствие реальной вовлеченности, я записал на свой счет много незабываемых и драгоценных часов разнообразного опыта. В этой области я постепенно перешел от простого сластолюбца к статусу знающего знатока. Учитывая все обстоятельства, я получил много впечатлений, которые приятно занимали мои дни и позволяли мне чувствовать, что моя жизнь была полноценной, и я все больше и больше начинал наслаждаться спокойной, приятной

атмосферой юношеского существования, которое было живым, но никогда не возбуждало. У меня почти не возникало новых желаний, потому что в спокойном климате моих дней совсем незначительные вещи могли превратиться в удовольствие. Хорошо подобранный галстук мог сделать меня почти веселым; хорошая книга, экскурсия в автомобиле или час с женщиной оставляли меня полностью удовлетворенным. Мне особенно приятно было убедиться, что этот образ жизни, как безупречно правильный костюм английского пошива, никоим образом не делает меня заметным. Я полагаю, что меня считали приятной компанией, я был популярен и желанен в обществе, и большинство тех, кто знал меня, называли меня счастливым человеком.

Сейчас я не могу сказать, считал ли человек того времени, которого я пытаюсь здесь представить, себя таким же счастливым, как и те, другие, ибо теперь, когда этот мой опыт заставил меня ожидать гораздо более полного и более полного значения в каждой эмоции, я нахожу почти невозможным оценить его счастье в ретроспективе. Но я могу с уверенностью сказать, что в то время я ни в коем случае не чувствовал себя несчастным, потому что мои желания почти никогда не оставались неудовлетворенными, и ничто из того, что я требовал от жизни, не было отвергнуто. Но сам факт того, что я привык получать от судьбы все, что просил, и не требовал большего, постепенно привел к определенному отсутствию волнения, безжизненности в самой жизни. Те стремления, которые тогда бессознательно пробуждались во мне во многие моменты полусознанными, на самом деле не были желаниями, а только желанием желаний, жадной желаний, которые были бы сильнее, более дикими, более амбициозными, менее легко удовлетворяемыми, желанием жить больше и, возможно, также больше страдать. Я устранил все препятствия из своей жизни методом, который был слишком разумным, и это отсутствие препятствий подорвало мою жизненную силу. Я заметил, что хотел меньше вещей и не хотел их так сильно, что на мои чувства снизошел своего рода паралич, так что — возможно, это лучший способ выразить это — так что я страдал от эмоционального бессилия, неспособности страстно владеть жизнью. Сначала я распознал этот дефект по небольшим признакам. Я заметил, что все чаще и чаще отсутствовал в театре и обществе по определенным важным поводам, что я заказывал книги, которые мне хвалили, а затем неделями оставлял их лежать на моем столе с неразрезанными страницами, что, хотя я автоматически продолжал заниматься своими хобби, покупая очки и антиквариат, я не потрудился классифицировать их, как только они стали моими, и не испытывал особого удовольствия от неожиданного приобретения редкой вещи, которую мне потребовалось много времени, чтобы найти.

Однако я действительно осознал это ослабление моей эмоциональной энергии, незначительное, но свидетельствующее об изменении, в одном случае, который я до сих пор отчетливо помню. Я остался в Вене на лето — опять же, в результате той странной летаргии, которая не давала мне чувствовать живого влечения ни к чему новому, — когда я внезапно получил письмо, написанное на спа-курорте. Это было от женщины, с которой у меня были близкие отношения в течение трех лет, и я даже искренне думал, что люблю ее. Она написала четырнадцать взволнованных страниц, чтобы рассказать мне, что за несколько недель, проведенных на курорте, она встретила мужчину, который очень много значил для нее, действительно все, она собиралась выйти за него замуж осенью, и теперь наши отношения должны закончиться. Она сказала, что думала о нашем времени вместе без сожаления, даже с радостью, память обо мне будет сопровождать ее в браке как о самом дорогом в ее прошлой жизни, и она надеялась, что я прошу ее за ее внезапное решение. После этой фактической информации ее взволнованное послание превзошло само себя в поистине трогательных мольбах, умоляя меня не сердиться на нее, не испытывать слишком сильной боли из-за ее внезапного разрыва наших отношений, я не должен пытаться вернуть ее силой или делать что-нибудь глупое с собой. Ее строки продолжались, становясь все более и более страстными: я должна и хотела бы найти утешение с кем-то лучшим, я должна немедленно написать ей,

потому что она очень беспокоилась о том, как я приму ее сообщение. И в качестве постскриптума она наспех нацарапала карандашом: “Не делай глупостей, пойми меня, прости меня!” Я прочитал это письмо, сначала удивленный ее новостями, а затем, когда я пробежал его весь, я прочитал его во второй раз, теперь с некоторым стыдом, который, дав о себе знать, вскоре превратился в чувство внутренней тревоги. Ибо ни одно из сильных, но естественных чувств, которые, как предполагал мой возлюбленный, должны были восприниматься как должное, даже не пришло мне в голову. Я не страдал, услышав ее новости, я не злился на нее, и я, конечно, ни на секунду не задумывался о каком-либо насилии ни над ней, ни над собой, и эта холодность моих эмоций была слишком странной, чтобы не встревожить меня. Женщина покидала меня, женщина, которая была моей спутницей в течение многих лет, чье теплое и гибкое тело предлагало мне себя, чье дыхание смешивалось с моими долгими ночами вместе, и ничто во мне не шевелилось, ничто не протестовало, ничто не стремилось вернуть ее, У меня не было ни одного из тех чувств, которые, как предполагал чистый инстинкт этой женщины, были естественны для любого человеческого существа. В тот момент я впервые полностью осознал, насколько далеко продвинулся во мне процесс паралича — это было так, как если бы я двигался по текучей, яркой воде, не останавливаясь и нигде не пускал корни, и я очень хорошо знал, что этот холод был чем-то мертвым и похожим на труп, еще не окруженный зловонным дыханием разложения, но уже оцепеневший до неузнаваемости, мрачно-холодное отсутствие эмоций. Это был момент, предшествующий реальной, физической смерти и внешне видимому разложению.

<http://tl.rulate.ru/book/65178/1714980>